

4.
...по крайней мере, он должен уметь отвечать за свои поступки и помещен в соответствующее медицинское заведение), Константин Пятс не потерял достоинства. Он уже не был главой государства, он уже и имя-то свое не имел возможности носить, но перед самим собой он почитал необходимым и естественным нести полную ответственность за сделанный выбор. Он считал себя по-прежнему ответственным и за народ, которым прежде руководил. Хотя теперь оставался президентом только для самого себя.

Этого, однако, оказалось достаточно для того, чтобы с ним считались и те, кто вообще ни с кем считаться не любил.

Президентом остался К.Пятс в эстонской истории. Президентом называют его В.Тимуск и Х.Латт. Вслед за ними и я называть его буду так. И пусть история нас поправит, если мы заблуждаемся. Ведь исследование обстоятельств судьбы этого человека только начинается.

Часть вторая ДЕНЬ ГНЕВА

Все кончилось для него 30 июля 1940 года. Справка. Константин Якобович Пятс, 1874 года рождения, юрист по образованию, журналист по специальности, в 1918 — 1919 годах возглавлял временное правительство в Эстонии, был военным министром, позднее был государственным старейшиной, премьер-министром коалиционного правительства, с 1938 года — президент эстонской республики, после июньских событий 1940 года в течение месяца оставался номинальным главой Эстонского рабоче-крестьянского государства.

30 июля 1940 года Президент с сыном, женой сына и двумя внуками 4 и 7 лет были депортированы из Таллинна в Уфу.

Из воспоминаний Х.-А.Пятс, невестки Президента:

«Упаковали, что смогли, в основном, одежду для детей и немного продуктов. Все происходило на глазах охранников.

Мы все плакали, и мой сын Матти спросил у К.П.: «Почему ты, дедушка, не плачешь?». К.П. ответил: «Я все свои слезы пролил на благо эстонского народа, у меня их больше нет». («Vikerkaar», 1988, № 11).

Воспоминания писались сорок с лишним лет спустя, возможно, их автор какие-то детали и позабыла, но характер 66-летнего Президента и по приведенной цитате уже представить можно.

В Уфе им жилось сносно. Поселили их в маленьком домике, даже с ванной. Президенту назначили пособие или пенсию в 2 тысячи рублей, на которые вся семья кормилась и одевалась. Концы с концами сводили: должно быть, нелегко было людям из ведомств Молотова и Берии обречь бывшего главу государства, которое теперь входило на правах союзной республики в состав СССР, на голодную смерть. А может, кто-то в этих ведомствах еще помнил, как сам Сталин послал Президенту свою большую фотографию с дарственной надписью — в знак особой расположенности... Вот и на стенах в их новом жилище висели портреты Ленина и Сталина...

Президента частенько навещали два сотрудника НКВД. Как правило, их визиты приходились на очень позднее время, когда Президент уже уставал, да к тому же к ночи у него начинали сильно болеть ноги и мучили приступы старой сахарной болезни. Требовались режим и диета, однако и о том, и о другом хотя бы помышлять было наивно.

Сегодня нам остается только гадать, понимал ли Президент, какую игру ведет с ним «главный друг всех людей и всех народов», чем она может кончиться? Наверное, понимал, ведь в политике он всегда был реалистом. И тогда, когда согласился на заключение договора о создании баз Красной Армии на территории Эстонии, и тогда, когда — в числе немногих эстонских буржуазных лидеров — понял, как могут развернуться события июня 1940 года, каких жертв, сколько народной крови могут потребовать... В том, что революция в Эстонии была бескровной, немалая заслуга Президента. Но теперь здесь, в Уфе, в «казенном доме», от него не зависело ничего. Наверное, ему тяжело было вспоминать о прошлом и страшно думать о будущем. Что с того, что его собственная жизнь уже давно была сделана, но сын, невестка, внуки... Они все из-за него оказались заложниками у Сталина.

И все-таки он взбунтовался.

Из воспоминаний Х.-А.Пятс:

«...Одним вечером он сказал тем мужчинам: «Оставьте меня со своими допросами в покое.

из воспоминаний Х.-А.Пятс:
«...Я сказала, что без детей никуда не пойду». Разрешили взять сыновей с собой. В помещениях НКВД подвели меня к одной двери, сказали, что со мной хотят поговорить, а дети пусть подождут здесь. Я погладила их по головам, сказала, будьте паиньки, я же скоро вернусь.

Вернулась я через 5 лет. Тогда уже не было в живых моего младшего сына Хенна. А когда я на первом же допросе спросила, где мои маленькие сыновья, следователь в мундире рассмеялся и ответил через переводчика: «Были ваши, теперь стали наши!»

Хелги-Алис Пятс была признана — в соответствии со ст.7/35 — «социально опасным элементом». Так решило «особое совещание».

Президент уже больше никогда не видел членов своей семьи.

Часть третья ЧУДЕСНАЯ ТРУБА

Вероятно, Президент догадывался, какая участь постигла дорогих ему людей. А может быть, верил, что Сталин пожалеет, смилостивится и не тронет безвинных. С ним-то, он, конечно, понимал, все кончено: идет война, как повернутся события, не ясно, но ясно, что «ради высшего политического смысла» бывшего руководителя бывшей буржуазной республики нельзя оставлять на свободе. Это было не принято в условиях, которые задавал сталинский режим. К тому же у этого режима была отличная память. И припомнить арестованному Президенту было что.

Например, то, что он был крупнейшим политическим лидером Эстонии во время так называемой «освободительной войны» 1918 — 1920 годов. В ее итоге маленькая республика отстояла свой суверенитет и право на самоопределение, данное ей по ленинскому декрету. Видимо, в сознании иных великодержавных стратегов память о той войне саднила сильно, долго... Правда, этот самый Президент в боевых действиях никакого участия не принимал, правда, статья 10-я Тартуского мирного договора предусматривала амнистию для всех — прямых и косвенных — участников «освободительной войны», однако что с того? Все равно, враг. И, следовательно, должен быть наказан. Под словом «наказан» режим знал, что подразумевал. Президент не был коммунистом. Он коммунистам и не сочувствовал. Ему понятнее был (по крайней мере, в первой половине двадцатых годов) «белый террор», чем «красный». К середине двадцатых Компартия Эстонии была разгромлена, большинство ее руководителей и активистов брошены в тюрьмы, был загнан в подполье и комсомол.

Однако справедливости ради отметим, что в 1938 году, одном из самых трагичных для советского народа, Президент буржуазной Эстонии подписал указ об амнистии всех коммунистов. Заметим также, что хоть они и провели по четырнадцать лет (!) в застенках, все же не были уничтожены физически. Теперь, получив свободу, они стали ядром и двигателем обновленной Компартии Эстонии...

Но Президент слишком много знал. Он знал, к примеру, что большинство эстонских коммунистов, которые нелегально переправлялись через эстонско-советскую границу, скоро погибали в застенках и лагерях НКВД. А те, кто не погибал, все равно арестовывались. «Лес рубят — щепки летят», — поучал «величайший друг всех революционеров».

И Президент об этом тоже знал.

А режим знал, что Президент знает, — и круг замыкался, сужался...

До размеров камеры.

Может быть, в той неизвестной нам сегодня камере Президент вспоминал, как в середине тридцатых годов он предотвратил фашистский переворот в Эстонии? Его готовили вапсы — члены «Эстонского центрального союза участников освободительной войны» во главе с Артуром Сирком да неким Хяльмаром Мяз, годы спустя старательно исполнявшим свои гнусные обязанности по руководству так называемого «эстонского самоуправления» на территории оккупированной Эстонии. Да, фашистский переворот Президент в Эстонии предотвратил и вапсов предал суду, но как это смотрелось, скажем, в 1940 году, когда уже целый год был в силе пакт, подписанный Молотовым и Риббентропом? Невыгодно смотрелось для сталинского режима. Вот и надо было Президента из Эстонии изъять.